

ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОБЪЕКТИВЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ ¹

Е. М. Ильина

Кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и юридического факультета БГУ, Минск, Беларусь, IlyinaEM@bsu.by

В статье сквозь призму политологии раскрываются особенности и методологический инструментальный анализа данных о цифровой идентичности.

Ключевые слова: цифровая идентичность; цифровое гражданство; цифровое профилирование; бюрократия системного уровня; социальный скоринг; агентное моделирование.

DIGITAL IDENTITY IN THE LENS OF POLITICAL SCIENCE

E. M. Ilyina

Candidate of Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus, IlyinaEM@bsu.by

The article reveals the peculiarities and methodological tools for analyzing data on digital identity through the prism of political science.

Keywords: digital identity; digital citizenship; digital profiling; system-level bureaucracy; social scoring; agent-based modeling.

В условиях цифровой трансформации (далее – ЦТ) стратегически значимым «вопросом личной, общественной и национальной безопасности» [1, с. 214] становится сбор и анализ данных о политической идентичности как совокупности наиболее значимых политических ориентаций, которые определяют политические установки и политическое поведение индивида в цифровом пространстве. В академическом дискурсе укоренилось понятие «цифровая идентичность», которое в русле логики испанского социолога М. Кастельса включает три грани: легитимирующую (регламентация уполномоченными акторами общеобязательных

¹ Данная статья подготовлена в рамках НИР 2.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности» № ГР 20211919 ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», 2021–2025 гг.

правил использования информационных объектов); проективную (позитивное восприятие социальными группами данных объектов как источников политически значимых ценностей, способных интегрировать общество, к которому они принадлежат); протестную (непринятие ценностного тезауруса или его симулякра, приносимого легитимирующей идентичностью, в форматах открытого протеста и противодействия или в латентной форме искажения и анонимизации) [2, с. 139]. При этом цифровые технологии обладают значительным потенциалом для «кражи идентичности» политиков и лидеров мнений при помощи создания цифровых копий их аккаунтов в социальных сетевых медиа.

В связи с перемещением политической деятельности в интернет-среду феномен цифровой идентичности проявляется в развитии цифрового гражданства [3, с. 90–91], которое интерпретируется в широком смысле «как возможность участвовать в жизни общества онлайн» с акцентом на демократическое политическое участие, экономические интересы, эффективное и регулярное сетевое взаимодействие, понимая под цифровыми гражданами всех интернет-пользователей, часто прибегающих к цифровым технологиям для реализации своих гражданских прав и обязанностей, получения политически значимой информации и экономической выгоды в процессе трудовой деятельности [4, с. 1–2]. В контексте развития цифровой культуры и грамотности, данный феномен отражает «процесс социализации новых поколений под влиянием цифровых технологий» в контексте формирования надпрофессиональных и цифровых компетенций в сфере безопасности, демократии и бизнеса [5, с. 66–67]. В политико-правовой плоскости цифровое гражданство трактуется как «новое качество правосубъектности личности», требующее цифровой идентификации и профилирования, например, через портал государственных электронных услуг или как «гибридный публично-правовой институт», связывающий цифровые и информационные технологии с формами экстерриториального вовлечения и участия граждан, имплементации их прав в различных сферах общества и государства [6, с. 1043–1044].

Сегодня системы цифрового профилирования физических и юридических лиц применяются для управления государственными данными посредством сбора, алгоритмической обработки, анализа и предоставления персональных, в том числе биометрических, сведений, образующих цифровой профиль, с согласия человека или организации по запросу органа власти через соответствующие электронные платформы (реализуемый в России пилотный проект по формированию Национальной системы управления данными и др.) [7, с. 410].

С развитием цифровых технологий по мере автоматизации процессов управления данными трансформируется институт бюрократии, что нашло отражение в концепции бюрократии системного уровня. Как отмечают нидерландские политологи М. Бовенс и С. Зуридис, на смену традиционной «бюрократии уличного уровня» (street-level bureaucracy М. Липски) – государственных служащих, непосредственно взаимодействующих с гражданами «лицом к лицу», и «бюрократии экранного уровня» (screen-level bureaucracy), осуществляющей аналогичные управленческие функции, но «всегда через экран компьютера или в его присутствии» (т. н. компьютерно-опосредованная коммуникация и оказание государственных услуг), пришла «бюрократия системного уровня» (system-level bureaucracy) – системные аналитики, разработчики программного обеспечения, аналитики данных, выступающие посредниками/помощниками в процессе взаимодействия граждан с информационными системами (например, автоматизированная система фиксации нарушений правил дорожного движения) [8, с. 175–181]. При этом уличные бюрократы в пределах своих полномочий, например, при распределении ресурсов или наложении санкций, наделены правом действовать по личному усмотрению – дискреционной властью, полная или частичная замена которой цифровыми технологиями именуется в научной литературе «цифровой дискрецией», под которой понимают «применение компьютеризированных процедур и аналитики для влияния или замены человеческих суждений; случаи, когда искусственный интеллект используется для дополнения или автоматизации осуществления административного усмотрения» [Цит. по: 9, с. 47]. В академической среде мнения о влиянии ЦТ на свободу действий бюрократов варьируются от доминирующих предположений об ограничении и сужении дискреционной власти в условиях автоматизации до представлений о сохранении прежнего объема дискреционных полномочий на цифровых рабочих местах.

Также системы цифрового профилирования используются для социального скоринга (от англ. score – оценка) – алгоритмического оценивания и рейтингования индивидуальных и коллективных субъектов на основе социальных характеристик, полученных в результате мониторинга поведенческих офлайн- и онлайн-активностей, позволяющих прогнозировать их поведение (функционирующая в Китае система социального кредита). В частности, данные социологических опросов показывают, что около 80 % китайских граждан демонстрируют весьма высокий уровень доверия к апробированным в Китае управленческим инновациям в сфере социального рейтингования, а также к цифровым практикам сбора и обработки персональной информации, считая их частью повседневной жизни [10, с. 1573]. При этом большая доля россиян до сих пор не опре-

делилась со своим отношением к инициативам правительства по внедрению в государственное управление технологий формирования цифровых профилей и социального грейдинга, а также в значительной степени склонна не доверять государству и особенно частным коммерческим структурам в области управления персональными данными. Около трети российских респондентов считает целесообразным социальный скоринг государственных служащих и субъектов хозяйствования, но видит угрозу своим правам и интересам в случае массового социального ранжирования рядовых граждан [11, с. 74–76].

В современную эпоху изобилия данных благодаря доступности вычислительных мощностей и программного обеспечения для исследования политической идентичности политологи все чаще прибегают к агентному моделированию (agent-based/multi-agent modeling, ABM) – относительно новому направлению в имитационном моделировании политических систем «снизу-верх» (bottom-up), которое посредством вычислительных экспериментов «если –> то» позволяет максимально правдоподобно воспроизводить поведение, коллективные действия политических акторов и их комплексные интеракции в геометрическом или сетевом пространстве, имитирующем реальное политическое устройство общества; наблюдать, как нелинейные рекурсивные политические процессы на микроуровне порождают явления макроуровня; тестировать возможные поливариантные политические сценарии развития изучаемых явлений.

К наиболее известным кейсам практического применения агент-ориентированного подхода для сбора и анализа данных о политической идентичности относятся агентные модели тестирования конструктивистской теории политической идентичности профессора политологии Университета Пенсильвании И. Лустика. Например, в ячеистом пространстве модели Лустика [12] агенты-соседи, наделенные совокупностью идентичностей – принадлежностью к разнообразным группам по установленным параметрам (т. н. «репертуар агента»), взаимодействовали друг с другом, исследуя репертуар соседей, при этом, подсчитывался уровень напряжения, проявляющийся в результате числа встреч агентов с различными репертуарами.

Таким образом, в политологической плоскости *цифровая идентичность* представляет собой совокупное осознание, переживание и репрезентацию актором своей тождественности политически организованному сетевому сообществу, уникальности и компетентности в сфере цифровых технологий, включающее отношение к себе и другим, к политически значимой информации и интернет-пространству в целом, характеризующееся цифровой грамотностью и целенаправленностью действия, сопро-

вождающееся формированием новых смыслов онлайн- и оффлайн-активности.

Библиографические ссылки

1. Кондаков А. М., Костылева А. А. Цифровая идентичность, цифровая само-идентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестн. РУДН. Сер.: Информатизация образования. 2019. Т. 16, № 3. С. 207–218.
2. Удовенко И. П. Идентичность в дискурсах цифровой трансформации // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Изд-во «Весь Мир», 2023. С.136–145.
3. Ильина Е. М. Политологическое измерение цифровой трансформации: от теоретической концептуализации к учебной дисциплине // Весн. Брэсц. ун-та. Сер.1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2020. № 2. С. 87–93.
4. Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. Cambridge: MIT Press, 2008. 240 p.
5. Бродовская Е. В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть. 2019. № 4. С. 65–68.
6. Кравец И. А. Конституционализм и участие в алгоритмическом обществе (российский, сравнительный и международный контекст) // Журнал Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки. 2024. № 17 (6). С. 1036–1046.
7. Ильина Е. М. Политика и управление в условиях цифровой трансформации: политологический ракурс искусственного интеллекта // Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 403–421.
8. Bovens M., Zouridis S. From Street-Level to System-Level Bureaucracies: How Information and Communication Technology is Transforming Administrative Discretion and Constitutional Control // Public Administration Review. 2002. Vol. 62, № 2. P. 174–184.
9. de Boer N., Raaphorst N. Automation and Discretion: Explaining the Effect of Automation on How Street-Level Bureaucrats Enforce // Public Management Review. 2023. Vol. 25, iss. 1. P. 42–62.
10. Kostka G. China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval // New Media & Society. 2019. Vol. 21, № 7. P. 1565–1593.
11. Рувинский Р. З., Рувинская Е. А., Комарова Т. Д. Общественное восприятие практик цифрового профилирования и социального рейтингования: ситуация в России и Китае // Социодинамика. 2021. № 12. С. 56–76.
12. Lustick I. Agent-based modeling of collective identity: testing constructivist theory // Journal of Artificial Societies and Social Simulation [Electronic resource]. 2000. – № 3 (1). URL: <https://www.jasss.org/3/1/1.html> (date of access: 15.03.2025).